

фемами, «перекрывает» при восприятии слова неправдоподобие словообразовательной структуры и семантики ЛЕ (ср., например, *антипод* — «над»).

Проанализированный материал дает основание утверждать, что СТ как системно заданный механизм образования слов представляет собой не жесткую, а динамическую схему, допускающую при тождестве формальной структуры слова переход от одного стереотипа восприятия ее значения к другому (см., например, явление омонимичного наполнения словообразовательной структуры слова).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гридина Т. А.* Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
2. *Она же.* Фоносемантические ассоциации как основа каламбура // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1991.
3. *Гридина Т. А., Попова Т. В.* Ассоциативная семантика новообразований-гибридов // Функциональная семантика. Свердловск, 1991.
4. *Красильникова Е. В.* Почему не говорят? // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование и членимость слова. М., 1975.
5. *Норман Б. Ю.* «Всерьез о шутке» // Вопросы языкознания и литературы. Новосибирск, 1970. Вып. 4. Ч. 1.
6. *Она же.* Вторичная семантическая мотивация как национально-культурный компонент языкового сознания // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тез. докл. X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
7. *Она же.* Язык: знакомый незнакомец. М., 1987.
8. *Русская разговорная речь.* Фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983.
9. *Уварова Н. В.* Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи). Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

И. Е. ШУВАЛОВА
Московский педуниверситет

СЕМАНТИКА ИМЕНИ БЫТЮЩЕГО ПРЕДМЕТА В БЫТИЙНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Исследуются закономерности интерпретации имени объекта, вводимого в поле зрения коммуникантов, с точки зрения достоверности — недостоверности знания, собственно существования или принадлежности к определенному классу и т. п.

Бытийные конструкции используются в речи обычно тогда, когда говорящему необходимо обозначить объект, впервые появляющийся в поле зрения коммуникантов. Чтобы понять го-

ворящего, адресат должен представить себе предмет, о котором идет речь. Цель данной статьи — рассмотреть возможные механизмы формирования в сознании коммуникантов образа бытующего предмета.

Благодаря работам Н. Д. Арутюновой, Е. Н. Ширяева и О. Н. Селиверстовой русские бытийные предложения получили полное и подробное описание [4; 11]. Известно, что их функцией является утверждение существования «в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками, то есть принадлежащих тому или другому классу» [там же, с. 8], причем в центре внимания может находиться или утверждение существования, наличия объекта, или утверждение его принадлежности к тому или иному классу [11]. В соответствии с этим выделяют два типа бытийных конструкций: 1) собственно бытийные предложения: *В лесу есть медведи*; 2) «таксономические» бытийные предложения: *В лесу медведи*.

Кроме того, существуют предложения, в которых внимание акцентируется и на наличии, и на классе бытующего предмета: *В этом лесу есть какие-нибудь звери? — В этом лесу есть медведи*; *Вы кого-нибудь видели в лесу? — В лесу были медведи*¹. Подобные предложения необходимо выделить в особый тип.

Предложения трех указанных типов различаются и значениями форм прошедшего времени. Сравним соответственно:

Раньше в этом лесу были медведи — значение аориста;

В лесу были медведи. Увидев нас, они бросились бежать — значение имперфекта;

В лесу были медведи, мы видели их следы — значение перфекта.

Указанные различия в способах интерпретации имени бытующего предмета и в значениях предиката, на наш взгляд, определяются оценкой излагаемой информации с точки зрения ее достоверности. Чтобы доказать это, рассмотрим, как в предложениях каждого из трех типов подается информация о «бытовании» неизвестных адресату речи объектов.

Эти объекты должны быть каким-то образом однозначно определены, выделены из «фоновой совокупности» [4, с. 80] предметов окружающего мира. Для описания процедуры такого выделения воспользуемся терминами «исходное множество» и «актуальное множество», которые ввел С. А. Крылов для описания механизма квантификации: исходное множество — это заранее известное множество объектов, находящееся в общем поле зрения коммуникантов и выступающее в качестве смысло-

---

¹ Ср. замечание Н. Д. Арутюновой о предложениях типа *У тебя что-нибудь есть в саду? — У меня в саду есть цветы и плодовые деревья*: «...ответная реплика легко распадается на два сообщения, первое из которых имеет бытийный, а вторая — таксономический характер: *В холодильнике что-нибудь есть? — Есть (или Да). Молоко, творог и ветчина; На берегу кто-нибудь был? — Да (Были). Мальчишки*» [4, с. 55].

вого источника для мысленного построения актуального множества: актуальное множество — это множество объектов, которое находится в центре внимания коммуникантов, «исходное множество может быть известно либо перманентно («эмпирическая известность»), либо окказионально («дейктическая известность» и «анафорическая известность»). Эмпирическая известность свойственна, например, именам «естественных классов» («таксонов»). Дейктическая известность формируется на основе актуального соприсутствия исходного множества в речевой ситуации, а анафорическая возникает как результат предупомянутости исходного множества» [8, с. 140].

Для предложений каждого из трех типов актуальным множеством (Т) будет пересечение двух исходных множеств, одно из которых (Л) задано локализатором, а другое (М) — именем бытующего предмета:

$$T = L \cap M, \text{ или} \\ T = \{x \mid x \in L, M(x)\}.$$

Говорящий сообщает, что имеются некоторые объекты, которые, с одной стороны, входят в множество разнородных объектов данного леса, с другой стороны, в класс медведей, то есть в множество однородных объектов. Локализатор задает первое исходное множество: *Л* включает все объекты, находящиеся в данном лесу. Поскольку эти объекты разнородны, денотат именной группы *В лесу* воспринимается как набор элементов, дискретно. Второе исходное множество задается через характеристическое свойство «быть медведем», и денотат именной группы *медведи* воспринимается как единый, цельный образ².

Сказанное касается бытийного предложения в целом.

Различия между тремя типами бытийных предложений связаны с характером отношений, устанавливаемых предикатом между исходными множествами и актуальным множеством.

Особенностью собственно бытийных предложений является то, что фоновой совокупностью объектов для выделения актуального множества служит множество однородных объектов. Так, в предложении *В этом лесу есть медведи* актуальное множество «медведи этого леса» выделяется из исходного множества «медведи». Фоновое множество в предложениях этого типа — это всегда класс, причем такой класс, основанием которого является не случайное, а сущностное свойство, устойчивое и неизменное:

В лесу есть медведи — свойство «быть медведем»; *Среди медведей есть умные* или *Есть умные медведи* — свойство «быть умным».

² В данном случае, видимо, можно говорить об экстенциональном и интенциональном типах референции [7].

Под действие оператора *есть* попадает только одно слово, и если характеристическое свойство не может быть выражено одним словом, то позицию при глаголе *есть* занимает местоимение *такой*, а свойство выражается придаточным — относительным или обособленным определением:

Среди медведей есть такие, которые отлично плавают. Есть медведи, которые отлично плавают. Есть города, похожие на сон (К. Г. Паустовский).

Семантика слова *такой* своеобразна: «Собственно местоименный компонент здесь сигнализирует об «известности»... однако «тематический» компонент значения... сигнализирует о том, что признак известности приписывается не предмету как таковому, а некоторому признаку этого предмета. Оператор «известности» относится не к референту именной группы в целом, а к концепту, характеризующему этот референт: *такой* — обладающий этим свойством...» [8, с. 138].

Роль второго исходного множества состоит в том, что оно конкретизирует элементы, являющиеся носителями данного свойства, «материализует» их. Такая конкретизация не всегда необходима. Актуальное множество может быть равно фоновому в том случае, когда в центре внимания коммуникантов находится некоторое понятие, концепт, что выражается обычно конструкцией, называемой именительным темой: *Медведи. Сколько сказок, мифов и легенд сложено об этих животных!*

Как отметила Н. Д. Арутюнова, «следует считать существенным различие индексальной функции смысла, дающего инструкцию для отождествления предмета речи, и ассертивной функции смысла, т. е. функции сообщаемого» [3, с. 198]. С этой точки зрения, в предложениях рассматриваемого типа отождествление предмета речи осуществляется за счет «признакового» компонента смысла имени бытующего предмета, предмет — носитель данного свойства — соотносится с общим понятием о предметах данного рода. Психологической основой такого соотнесения является существование у людей общих понятий о свойствах вещей и устройстве мира. Функцию же сообщения выполняет «предметный» компонент смысла имени, который и выражает бытийно-субстанциональное значение «наличия».

В предложениях этого типа определения всегда указывают характеристическое свойство и, как следствие, выступают только в выделительной функции [4]. Если же требуется охарактеризовать предмет, а точнее, раскрыть содержание понятия, необходимо новое предложение:

— *Странники разные бывают. Есть и настоящие, которые богоугодные, блюдут свою душу, а есть и такие, что по кладбищу ночью путаются, чертей тешат... да-а!* (А. П. Чехов); *Кроме того, есть рыболовы — завистники и хитрецы. Хитрецы думают, что они могут перехитрить любую рыбу, но никогда в жизни я не видел,*

чтобы такой рыболлов перехитрил даже самого серого ерша, не говоря о плотве (К. Г. Паустовский).

Рассматривать таксономические бытийные предложения на примере *В лесу медведи* не очень удобно, поскольку этот пример воспринимается скорее как предложение таксономической предикации (ср.: *Те звери, что в лесу,— медведи*). Воспользуемся примером *В дубовых зарослях бродят безобидные медведи-муравьятники* (К. Г. Паустовский). Это типичное таксономическое бытийное предложение, так как в нем указываются признаки, характеризующие бытующий предмет, причем эти признаки выражают не единственное сущностное свойство, а несколько наблюдаемых особенностей предмета. Подобные предложения не предполагают, что адресат предварительно знаком с классом «бродящих безобидных медведей-муравьятников». Актуальное множество формируется не на основе понятия о предмете вообще, а на основе восприятия конкретных предметов данного пространства; это может быть как непосредственное восприятие данных предметов говорящим, так и восприятие, опосредованное наблюдателем. Важно заметить, что «видение может «наполняться» только синхронным с ним состоянием мира, входящим в круг восприятия. Оно объемлет только конкретную единичную данность, взятую в одном из своих аспектов — в аспекте зримого...» [2, с. 21].

Не случайно в роли сказуемого в подобных предложениях выступают глаголы движения, положения в пространстве, «цветовые» глаголы, глаголы звучания [4]. Именно эти глаголы характеризуют положение предмета относительно наблюдателя или воздействия предмета на органы чувств наблюдателя³: *Направо от огорода, тихо пошептывая и изредка вздрагивая от невзначай налетавшего ветра, темнела ольховая роща, налево тянулось необозримое поле; Куда ни взглянешь, везде зелено, только кое-где чернеют бахчи да далеко влево на кладбище белеет полоса отцветающих яблонь* (А. П. Чехов).

Разновидностью предложений этого типа являются номинативные конструкции, «наблюдаемость» которых несомненна: «создается впечатление показа фрагментов «живой» картины. Воображение объединяет их в целое, восполняя пропущенное» [9, с. 324]. *Кто не бывал на Азовском море, тот не может представить себе тамошние сумерки. Бледная вода. Громады кучевых облаков в перламутровых просторах неба. И первые звезды, глядящие в морскую глубину, где более слабым огнем загораются их двойники* (К. Г. Паустовский).

Фоновой совокупностью элементов для формирования акту-

---

³ «Ссылка на пространство говорящего или пространство мыслимого им наблюдателя необходима для истолкования... действительных глаголов типа *показаться, маячить, виднеться* и ряда других» [1, с. 267].

ального множества в таксономических бытийных предложениях является исходное множество, задаваемое локализатором. Из разнородных элементов фонового множества отбираются некоторые элементы, обладающие общими признаками. Фоновое множество всегда окказионально известно, от него актуальное множество «наследует» соотносительность с конкретными объектами, находящимися в поле зрения коммуникантов, «экстенциональную определенность» имени бытующего предмета. Качественная же определенность имени бытующего предмета невозможна в силу того, что восприятие отражает лишь наблюдаемые признаки предмета, а не его сущностное свойство. Говорящий может попытаться приблизиться к качественной определенности актуального множества, увеличивая число определений, а может отказаться от такой попытки, используя местоимение *какой-то*: *Но, представьте, взглянул мельком вперед и вижу: в первом ряду сидят рядышком какой-то генерал с лентой и архиерей* (А. П. Чехов). *Какой-то* выражает, с одной стороны, качественную неопределенность актуального множества (*какой-*), с другой стороны, его реальность, предметность (*-то*).

В таксономических бытийных предложениях «предметный» компонент смысла имени бытующего предмета выполняет индексальную функцию, функцию соотношения имени и объекта, а «признаковый» компонент смысла — ассертивную функцию, функцию передачи информации. Не имея «предметного» компонента смысла, имя прилагательное не может самостоятельно называть бытующий предмет и требует поддержки местоимениями *кто-то*, *что-то*: *Тетке было страшно. Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой; В душе же, рядом с царапающей совестью, сидело что-то нежное, теплое, грустное; В чемодане что-то очень тяжелое — очевидно, золото...* (А. П. Чехов).

Итак, были рассмотрены две группы бытийных предложений, различия между которыми определяются способом верификации их содержания. Истинность высказывания может подтверждаться ссылкой либо на объективный порядок вещей в мире, либо на непосредственно наблюдаемую ситуацию. Излагаемая информация оценивается как достоверная либо в силу необходимости, либо в силу очевидности. В обоих случаях высказывание содержит имплицитный модус достоверности.

Но в языке существует еще целый класс утверждений, в которых «говорящий лишь предполагает нечто, и это нечто он сам признает не правдой, а лишь движением к правде» [10, с. 137]. Вспомним в связи с этим принципы модальности И. Канта: «...если понятие связано в рассудке лишь с формальными условиями опыта, то его предмет называется возможным; если оно находится в связи с восприятием (с ощущением как материей чувств) и определяется им посредством рассудка, то объект действителен; если понятие определяется связью вос-

приятий согласно понятиям, то предмет называется необходимым» [6, с. 294].

Имплицитный модус предложения, мнения имеют бытийные предложения типа *В этом лесу есть медведи, где есть* — имеются, а также *можно увидеть, неожиданно встретить медведей*. Отличительная черта таких предложений — и качественная, и предметная неопределенность имени бытующего предмета. Достоверность этих предложений не может быть проверена. Актуальное множество не опирается ни на действительное наличие опознаваемых объектов, ни на действительное существование данного класса объектов, оно может быть сформировано только на основе «соглашения» коммуникантов включать в него любые элементы при условии, что они относятся к данному пространству и обладают данными признаками. Предполагается, что вне данного пространства нет предметов данного класса, а среди предметов данного класса нет таких, которые не находились бы в данном пространстве.

Психологической основой для формирования актуального множества является представление — обобщенный образ предмета, воспроизводимый в сознании без непосредственного взаимодействия с этим предметом.

Предложения, достоверность которых не подлежит проверке, можно разделить на два класса: 1) соотносимые с собственно бытийными предложениями, 2) соотносимые с таксономическими бытийными предложениями. Примеры первых:

И есть в романе сын кулака, и середняк, который перестраивается, и совершенно слепу вставленный казак, который читает духовные песни, изображая то враждебное окружение, в которое поставлено все строительство (В. Б. Шкловский); *Есть такое растение — высокое, с красными цветами. Цветы эти собраны в большие стоячие кисти. Называется оно кипрей; Все звери и птицы знали, что живет за рекой, в большом лесу старый медведь и прозвище у того медведя Дремучий* (К. Г. Паустовский).

«Недостоверность» этих предложений связана с невозможностью определить объект через естественный класс ему подобных. Предмет воспринимается здесь не как типичный представитель класса, а как отдельный, индивидуализированный объект (иногда класс объектов), обладающий специфическими признаками⁴. Не случайно индивидуализация завершается часто присвоением имени. «Единственность» предмета речи иногда подчеркивается местоимением *один*. Если адресат принимает на веру уникальность бытующего предмета, имя бытующего предмета приобретает определенность.

---

⁴ Определения при имени бытующего предмета выступают в подобных предложениях в индивидуализирующей функции [4].

Предложения второго из рассматриваемых классов соотносятся с таксономическими бытийными предложениями:

Изредка набегала туча и сердито гремел гром, или падала с неба зазевавшаяся звезда, или пробегал бледный монах и рассказывал братии, что недалеко от монастыря он видел тигра — и только, а потом опять день походил на день, ночь на ночь (А. П. Чехов); *Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства* (А. С. Пушкин).

Невозможность проверить достоверность подобных предложений вызвана невозможностью однозначно отождествить предмет речи, зафиксировать его, соотнести с конкретным наблюдаемым объектом. Отсутствие соотнесенности высказывания с конкретной ситуацией бывает связано с повторяемостью или с неуверенностью говорящего в их осуществленности (осуществимости). Типичным для таких предложений является местоимение *какой-нибудь*, подчеркивающее, что «называемое в предложении событие не зависит от того, какой именно элемент множества в нем участвует» [5, с. 56]; выбор соответствующего ситуации элемента исходного множества предоставляется адресату: *Прохаживаясь по платформе, я заметил, что большинство пассажиров ходило и стояло только около одного вагона второго класса, и с таким выражением, как будто в этом вагоне сидел какой-нибудь знаменитый человек* (А. П. Чехов).

Итак, достоверность высказывания может подтверждаться его опорой на общее понятие или непосредственное восприятие. Вероятности соответствует представление. Три способа интерпретации имени объекта, вводимого в поле зрения коммуникантов (через понятие, восприятие и представление), можно соотнести с тремя типами знаков Ч. Пирса: «Действие иконического знака основано на фактическом подобии означаемого и означаемого... Действие индекса основано на фактической, реально существующей смежности означаемого и означаемого... Действие символа основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означаемого и означаемого...» [12, с. 104].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю. Д. Личная сфера говорящего и наивная модель мира // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985.
2. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных позициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
3. Она же. Предложение и его смысл. М., 1976.
4. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

5. *Гуревич В. В.* О семантике неопределенности // Филол. науки. 1983. № 1.
6. *Кант И.* Критика чистого разума // Собр. соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
7. *Кронгауз М. А.* Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый* // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23.
8. *Крылов С. А.* Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Там же.
9. *Попов А. С.* Развитие номинативных предложений // Русский язык и советское общество.— Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.
10. *Санников В. В.* Семантика и прагматика союза *или* // Семантика и информатика. М., 1985. Вып. 24.
11. *Селиверстова О. Н.* Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М., 1990.
12. *Якобсон Р. О.* В поисках сущности языка // Семантика. М., 1983.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Т. А. БУДАНОВА
Санкт-Петербургский университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализируется текстовая реализация функционально-семантической категории длительности действия, соотношение объективной длительности действия и ее субъективной оценки.

Функционально-семантические поля (ФСП) в русском языке имеют двусторонний характер: план выражения (Формально-структурная сторона элементов данного поля) и план содержания (система дифференциальных семантических признаков, относящихся к определенной семантической области). Семантические элементы, выраженные различными языковыми средствами, принадлежат к определенной семантической зоне. Для этой зоны инвариантна лишь наиболее общая семантическая черта, которая находится на вершине иерархии, а на более низких ее ступенях широко представлено семантическое варьирование [4].

В основе ФСП длительности лежит соответствующая семантическая категория. Занимая вершинное положение в классификации содержательных типов длительности, она в то же время является одной из частных категорий, относящихся к сфере актуальности.

Анализ конкретного языкового материала — текстов русских народных сказок из сборника А. Н. Афанасьева — убедительно показал, что на первой ступени классификации содержательных типов длительности могут быть противопоставлены объективно-конкретная длительность, соотносящая временную протяжен-